

– Лида! – мужчина, проснувшись от собственного отчаянного крика, рывком повернулся к лежащей рядом женщине. – Найди обезболивающее! Да шевелись! Этого ещё можно спасти!

– Я – Люда. Уже забыл, как меня звать?

– Лида, Люда, Люба – не один ли шайтан? – глухо пробормотал он, просыпаясь. Сел на краю постели, щёлкнул зажигалкой, закурил.

Во сне волна времени отшвырнула его на восемнадцать лет назад. Вот он в наспех натянутой прямо на грязи палатке оперирует тяжело раненного десантника. Единственный лейтенант среди своих соратников, оказавшихся в Ачхой-Мартане. Год 1995-й. Около семисот человек, весь четвёртый курс военно-медицинской академии брошен на практику в Чечню. Врачей катастрофически не хватает. Боевые действия идут по всей самопровозглашённой Ичкерии. Командование сочло, что парням хватит полученных знаний и навыков, чтобы справиться с поставленной задачей.

Позади любимый Ленинград – чистый, ухоженный, культурный. Имперская столица России, колыбель революции. Позади студенческие вечеринки, шумные и весёлые попойки. Альберт вспомнил, как году в девяносто третьем он с двумя лучшими друзьями пришёл к знакомым девушкам в женское общежитие. Три товарища, уже изрядно выпившие, прихватили с собой вина и закуску: каждый хотел остаться на ночь со своей подружкой. И вдруг крики – у девушки в соседней комнате начались роды. Подруги в голос: «Где тут медики приходили? Тут ещё? Слава богу, ребята, выручайте!» А они тогда умели делать всего по чуть-чуть, но отказаться нельзя – честь мундира. За два часа приняли роды. Действовали инстинктивно, зато правильно. Это были первые роды – и роженицы, и будущих военных врачей. На свет появилась симпатичная здоровая девочка. Назвали Настей...

* * *

Операция длится более часа, одного безнадёжного Альберт уже отодвинул в сторону, взялся за того, кого мог спасти. Ассистент, парень из соседней группы, ещё не брался за тяжёлые случаи.

– Где медикаменты? Чем должен я делать анестезию? Опять дедовскими методами... Вчера на совещании генерал обещал, что всё будет... Придержи, чтобы не дёргался... Водки, что ли, влей в него...

– Колонна не дошла, лейтенант. Говорят, дежурный по складу «заложил». Прапорщик, сволочь, всё загнал на сторону.

В жилах Альберта вскипела горячая кровь его матери-татарки, в глазах сверкнули бешеные огоньки:

– Расстрелять мерзавца сегодня же! А генералу набью морду при встрече! Что нового вокруг и около?

– Наши «накрыли» селения бандитов ракетами «земля – земля».

– Хороша у нас с тобой практика! Кровь, грязь, стоны раненых, которых нечем лечить...

* * *

За первой утренней сигаретой всегда следовала чашка крепчайшего кофе: Людмила успела изучить вкусы своего клиента. Конечно, мужик ей попался психованный, после двух-трёх соитий он крепко засыпал, да вскоре просыпался и будил её криком, ему снилось что-то жуткое. Бес с ним, лишь бы платил, а платил он хорошо. Однажды рискнула спросить, что ему снится.

– Лица пацанов молодых вижу, что по ночам стоят рядом с кроватью и смотрят. Молчат и смотрят. Понимаешь? МОЛЧАТ И СМОТРЯТ! Знаю, что они хотят спросить, да только не могут.

– Так чего они хотят спросить? – у женщины внутри всё похолодело от ужаса. Она почему-то поверила.

– Почему не спас именно их? Но что я мог? Если за жизнь одного порой приходилось бороться больше двух часов, а результат был под вопросом. Вот и оставлял безнадежных умирать в палатке, занимался только теми, кого мог спасти.

– Разве нельзя было их техникой доставить до госпиталя?

– Какая, нахер, техника? Тех, кто покрепче, – в грузовик и под конвоем в Гудермес, Ханкалу, а там, если повезёт, – в Ростов или Астрахань.

– А если не повезёт, что тогда?

– Тогда оставались на дороге в сгоревшем грузовике или попадали в цинк на эвакуационном пункте.

...Воспоминания нахлынули волной.

Мирный закат. Что вы знаете о закате? Что большой огненный шар ныряет за горизонт? Или что Земля сделала очередной оборот вокруг своей оси? Закат – самое страшное время для врача. Особенно, если врач военный. Ещё хуже, если военный врач – полевой хирург.

День был трудным. Четыре транспорта из неподалёку лежащего в руинах города. Пулевые ранения, много осколочных.

В тазах плещется грязная кровь. Фартук на животе и груди стал скользким. Некогда поесть и попить чаю. Да что там! Не хватает времени даже на сигарету.

Один за другим садятся пузатые Ми, из нутра которых осторожно вытаскивают «носилочных». Растяжки, миномётные снаряды, пули 7,62 со стальным наконечником – много придумано средств для убийства человека.

А наступление прёт вперёд. И неизвестно, когда из академии пришлют врачебное подкрепление.

– Альберт Георгиевич, самый тяжёлый отходит. – Анестезиолог садится рядом: – До утра не дотянет.

– Это точно, – вздыхает хирург. – Оторванная селезёнка, почка пополам разорвана, пуля застряла, пройдя диафрагму в восьмом межреберье.

Мой голос хрипл:

– Необратима ишемия голени, ампутация бедра.

А солнце неумолимо катится к горизонту. Тихо шуршит фольга, в которую завернуты тела умерших, сложенные в холодной комнате. Их двенадцать, и транспорта на отправку на «большую землю» нет. Все транспорты работают на живых, полуживых и почти неживых, но у которых есть шанс. А мертвецам спешить некуда. Солнечные лучи забираются через пыльные стёкла в комнаты

бывшего заводоуправления, в котором разместился госпиталь. Лучик скачет по одеялам, по бледным лицам раненых.

Вот погасли лучи, комната начинает погружаться во мрак.

Начинают ныть раздробленные осколками и пулями кости, невыносимо начинают болеть и чесаться ампутированные конечности. Наркотики льются широкой рекой по венам искалеченных бойцов. Но что наркотик – лишь забвение и отдых от боли телесной. А душа?

Смотрю на одного из парней. Ему двадцать лет. Молод, горяч, силён как бык. Дома мать, отец и любимая, что по приезду домой должна стать женой... О какой свадьбе речь, если ног теперь нет?! Оттяпали пилой, противно скрипящей по кости, по самое «не могу»!

Мясо на заднице и животе дырявое, как дуршлаг. Вправо и вниз из-под одеяла убегает тонкая трубка катетера. А под кроватью обрезок бутылки из-под пива, полная мочи вперемешку с кровью.

– До утра не дотянет, – слышен из коридора голос медбрата.

Животный, хриплый крик разрывает горло. От невыносимой душевной муки, от понимания катастрофы всей своей неполной двадцатилетней жизни.

Опять наркота. Опять забытьё – отсрочка от жуткой реальности. Вены на руках начали «уходить» – капельницы, капельницы, капельницы... Да толку-то! И ему хочется заорать, так, чтобы поняли, наконец:

– Парни! Вынесите меня нахер на волю, на воздух! К солнцу, к птицам, к небу голубому! В траву положите и оставьте! Дайте помереть спокойно! Не среди смрада крови и гноя, не среди криков жутких, а среди красоты... Маааа-маааа! Больно-то как!

Опять наркота. Вновь из сумерек сознания выплывает лицо Машки.

– Маша, эх, красивые у нас были бы детки. Да и дом бы я построил. Вот этими руками. Сам! Ну, батя помог бы малость, братан тоже бы помог. Я к дяде Мише-строителю за проектом бегом бы сбегал... Только... нету ног...

Из-под полуоткрытых век мертвеца скатывается крупная слеза.

– Отмучался. – Медбрат натягивает простыню на лицо покойника.

А у крыльца госпиталя, куря сигарету за сигаретой, сидит хирург. Смертельно уставший, отупевший от крови, человек, ждущий лекарств, новых врачей... и транспорта с ранеными.

Величественна и прекрасна картина мирного заката...

Вонь. Кровь. Мрак боли у тяжело раненных и вспышки предсмертной истерии. Стоны, крики, мат. Воспалённые глаза и жёсткая щетина на щеках.

Всё это мир военного врача.

Ему не хочется думать, двигаться. Все мечты собраны в одну точку – сон. Спокойный, глубокий сон... И чашечка кофе на рассвете. Но вместо кофе – «аромат» поражённых инфекциями ран. Вместо взгляда в окно – взгляд на сломанную взрывной волной грудную клетку бойца, прикидка, дотянет ли при транспортировке?

Антисептик? Спирт. Обезболивающее? Спирт. Анестезия? Спирт.

Хуже ада. Убежать бы, зажав голову ладонями, крича во весь дух от смрада и страха. Но нет! Ваш выход, доктор.

Сгорбленный, словно старик, шлёпает сонный хирург в помывочную.

Маска, шапка, тесёмки халата трещат, заплетаясь в узел. Холодная резина перчатки облегает длань.

– Начнём, – командует хриплым голосом, собранный и жёсткий.

На столе – очередное тело, укрытое простынкой. Простынь в застиранных бурых пятнах тут же покрывается новыми, свежими.

Скальпель тускло мерцает в свете керосинки. Руки хирурга творят чудо.

– Зашивайте, – тусклым голосом говорит он ассистенту.

И уходит... Вмиг постаревший, осунувшийся.

Чашка кофе вернула Альберту хорошее настроение. По воскресным дням он любил отправляться с визитом к своему другу Валерию Рудакову: тот курировал строительство небольшого заводика по производству медикаментов для армии. Наскоро одевшись, Альберт заказал такси, сунул в руку Людмиле несколько купюр, бросив на прощание привычные слова: «Позвоню, когда понадобится!» – по-юношески резво сбегал вниз, вдохнул всю свежесть воскресного утра.

С детства знакомая мелодия и любимая песня: «Я тебя всю жизнь искал...» – властно зазвучала в глубине его души. Он попытался вспомнить, какого цвета розы покупал в прошлый раз. Кажется, они были алого оттенка, а может, кремового? В раздумьях ненадолго вышел из машины возле центрального рынка и вскоре вернулся с букетом пурпурно-красных роз. Цветы всякий раз предназначались младшей сестре Валерия, двадцатишестилетней Настеньке, чьё имя и чей облик он хранил в памяти уже больше года.

– Здравия желаю, Альберт Георгиевич! – шумно приветствовал его Валерий. – Наслышан о вашем повышении, товарищ генерал-лейтенант! Отметим это дело коньячком, не возражаешь?

– Так точно! А где твои дамы?

– В церкви вместе с тремя сыновьями. Настя, если помнишь, ведёт там воскресную школу.

Пока хозяин наспех накрывал стол на кухне, гость снова вышел покурить на балкон.

– Церковь? Воскресная школа? Зачем я здесь? Зачем ищу встреч с этой девушкой? – вслух размышлял Альберт, следя за тающими в воздухе колечками дыма. – Сделать её счастливой после всего пережитого я навряд ли смогу. К тому же она – христианка, а мать воспитывала меня мусульманином.

Он вспомнил, как в Свердловске мать, втайне от отца-особиста, сотрудника КГБ, читала ему Коран, уверяя, что нет Бога, кроме Аллаха, а Магомед – его пророк. Он помнил, как начиналась каждая сура Корана: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного...»

А ещё мать часто брала его с собой в гости к знакомому азербайджанцу, дома у которого была своя небольшая киноустановка, и они вместе с семьёй Вагифа любили смотреть музыкальную кинокомедию «Аршин Мал Алан». Простенький её сюжет был основан на переодеваниях и перевоплощениях главного героя, зато озорная, жизнерадостная музыка Узуира Гаджибекова очаровала его с детства.

Будучи мальчишкой, Альберт живо следил за всеми приключениями героев фильма. Вот богатый молодой купец Аскер решил сам выбрать себе невесту, обойтись без свахи. По совету своего лучшего друга Сулеймана нарядился он бедным торговцем тканями, этаким коробейником, да стал ходить по дворам, распевая песни, разворачивая перед девушками ворохи разноцветных шелков, отмеряя покупки аршином. «Аршин Мал Алан...» – без устали пел Аскер, обходя один за другим все дворы в городе. И вот однажды к герою вышли две сестры-красавицы – тоже из богатого дома, – и в одну из них он влюбился с первого взгляда. И девушка сразу отдала своё сердце «бедняку» за его пленительные песни. Конфликт отца и дочери вскоре разрешился к обоюдному счастью:

– Я тебя всю жизнь искал, / Я тебя всю жизнь искал. / На меня ты посмотрела: / От любви я запылал, – заливался соловьём счастливый герой.

– Ах, спасибо, Сулейман / Ты хитрей, чем сам шайтан, / Никогда не позабуду, / Что тобой совет мне дан! – обращался он в песне к другу.

Мальчишку радовал счастливый конец – сразу четыре свадьбы. Аскер женился на своей избраннице, Сулейман – на второй сестре, овдовевший отец девушек – на матери Аскера, слуга главного героя взял в жёны служанку героинь. В любимой кинокомедии Альберт находил всё, что жаждала его душа: возвышенные романтические чувства господ и приземлённую любовь слуг, преподнесённую зрителям с юмором:

– Деньги есть? – в зажигательных куплетах вопрошала служанка избранника.

– Есть, есть!

– Много их?

– Хватит нам на двоих!

Как можно было забыть такие весёлые приключения, чарующую музыку и песни?! Альберт вспомнил, как впервые увидев Настю, он представился ей простым инженером, попросив друга не говорить, кто он на самом деле. Валерий тогда ограничился полунамёками, но видно было, что мистификацию он не одобрил. А теперь генерал-лейтенанту захотелось вместе с Настей снова посмотреть «Аршин Мал Алан». Захотелось, взяв её за руку, провести по своему любимому Аркаиму, где бывал он несколько раз.

– Почему ты отдаёшь детей в воскресную школу? – минутой позже спросил он у Валерия, отхлебнув добрый глоток коньяка. – Что-то раньше не замечал я у тебя веры в Бога!

– А куда ещё им ходить, рассуди сам, где не было бы мата да прочих гадостей? Теперь во многих семьях вместо нормального языка – мат, на улицах – мат, в армии всё держится на мате, слава богу, что в церкви его нет. Настя у нас добрая душа, детей любит, ничему плохому их не научит. Вижу,

что парни мои на глазах становятся лучше: старший увлёкся русской историей, средний стал писать духовные стихи, младший пока что выучил две-три молитвы. Чем это плохо?

– Альберт Георгиевич, да вы прямо дон Сезар де Базан! – радостно улыбнулась ему вошедшая в квартиру Настя, приняв букет роз.

«Я не тот благородный дон, за кого она меня принимает, – молнией мелькнула мысль у Альберта. – Знала бы она, какой ад постоянно царит в моей душе, как терзает меня по ночам шайтан, а по-русски – бес».

* * *

Во сне Альберт пытался рассказать Насте об одной из страшных страниц своей жизни:

«Настенька, нельзя бросать неподготовленных людей в такую мясорубку! Представь себе год 1996-й, разгар войны в Чечне. Наши самолёты разбомбили свой же госпиталь. Мне сразу вспомнилась картина “Грачи прилетели”: так тогда назывались штурмовики Су-25. Позже руководство доложило наверх, что произошла ошибка. Я пришёл в себя в местечке недалеко от Шали, в плену. В подвале нас было трое курсантов-медиков, и каждый день мы ожидали смерти. Поили нас дождевой водой, кормили червями из-под пола. Узнав, что мы врачи, чеченцы стали требовать медицинской помощи своим боевикам. За отказ мне тут же выбили четыре зуба, а одного из нас расстреляли на моих глазах. Настенька, это звери – не люди! Пришлось лечить бандитов полтора года... Условия наши, конечно, улучшились, но каково было переносить моральные пытки!

Как-то ночью завязался нешуточный бой, мы встрепнулись, увидели, что охрана сбежала, и бросились искать своих. Сзади боевики открыли огонь, нас спас спецназ ГРУ, но мой товарищ был тяжело ранен, умер в госпитале в Моздоке. Хорошо, что ко второй кампании мы подготовились лучше, а Пашу-Мерседеса, министра обороны Павла Грачёва, сняли. Война закончилась для меня осенью 1999 года. Милая, знала бы ты, что мне довелось пережить...»

Альберт нежно обнял лежащую рядом женщину:

– Настенька!

– Меня звать Люда!

Женщина набросила на голое тело халат и пошла на кухню – варить кофе. Альберт привычно затянулся сигаретой. В полумгле сознания перед ним было лицо Насти: густые русые волосы аккуратно прибраны под косынкой, тёмно-голубые глаза смотрят с ласковой укоризной, бровки чуть вздёрнуты, ямочки на щеках:

– Не курили бы вы так часто, Альберт Георгиевич. Дурная это привычка, греховная, бросили бы её совсем. Курящий человек не может приложиться к кресту или к иконе, а без Бога всем нам нет спасения. Да заодно и от крепкого кофе откажитесь. Давайте, я заварю вам чай с травами!

Ночное видение исчезло. Вместо доброго ангела чужая женщина подает ему чашку крепчайшего кофе. Ей, чужой, нет дела до его здоровья да и до него самого.

* * *

Машина вновь мчит генерала Батуева на другой берег Камы, на сей раз в руках у него букет белых роз. В знакомой квартире стол накрыт для обычного завтрака, пахнет свежесваренным чаем на травах. Друг Валера смотрит ему в глаза пытливо:

– Долго ещё ты будешь тревожить мою сестру цветами?

«Полюбил я, ах, полюбил я, без тебя не в силах жить...» – зазвучала в душе Альберта мелодия из любимого фильма, но он тут же отогнал её прочь, сосредоточился:

– Срок сдачи объекта – через две недели. Примем заводик, и уже не буду я столь частым гостем в вашем городе. Хватает командировок по всему округу, сам знаешь.

– Алик, тебе сейчас сорок два года. Так и будешь жить всю жизнь один, без семьи?

– Мои командировки длятся непредсказуемо. Представь, приеду я домой к жене, а сын или дочь спросят её: «Мама, кто этот дядя?»

– Представь, что будет тебе лет шестьдесят пять или семьдесят, а рядом ни единой родной души.

– Отставить спор! Эх, Валера, до сих пор не избавился я от этих кошмаров. Двадцать лет прошло, а как будто вчера всё было. Декабрь 95-го, Грозный, бомбоубежище областной больницы на улице

Лермонтова, бои в городе. Наверху периодически «ухают» мины. Раненых около сотни в сутки. Поступают постоянно, расслабиться почти невозможно. В лучшем случае транспорт за ними приходит два раза в день, иначе размещать некуда.

И в этой круговерти периодически в нашем подвале-бомбоубежище появляется хрупкая девочка-врач, старший лейтенант медицинской службы. Сопровождает раненого или приходит для пополнения медикаментов. Умывается, пьёт кофе, комплектует всем необходимым медицинскую сумку, тихо и горько плачет, затем... уходит в город. Однажды я подошёл к ней и предложил остаться в бомбоубежище. Врачей не хватает, работы много... У нас там и терапевты работали, и даже один стоматолог. Ответ меня поразил: «Не могу остаться, у меня муж командиром роты воюет». Наши ушли за Сунжу, раненых стало меньше, я сменился, а девочку эту больше не видел... Жива ли осталась?

А сколько наших погибло!

Нам бы надо сейчас проводить там жёсткую силовую политику, никакой толерантности. Сделали бандиты рейд, напали на гарнизон, вырезали наших, в ответ – расстрелять из пяти окрестных деревень по пять человек в каждой. Был в мою бытность в Чечне такой случай: сбили «чехи» наш самолёт, двух лётчиков захватили в плен. Тут же на их выручку был брошен спецназ. Ребята увидели чабана недалеко от сбитого самолёта, спрашивают его:

– Куда увели летунов?

Молчит. Делает вид, что не знает, о чём речь. Ему тут же – минус палец. Молчит. Минус второй, третий. Сказал, куда увели. Приходят наши парни в селение, спрашивают жителей:

– Где лётчики?

Все молчат. Тогда дом полетел на воздух, за ним – второй. В третьем доме сказали, где летуны. Удалось спасти их живыми и здоровыми. С бандитами – только так.

Альберт нехотя принялся за яичницу с ветчиной, отведал глоток душистого чая. Ему страсть как захотелось снова закурить на балконе, но он превозмог себя, задал хозяину мучивший его вопрос:

– Настя спрашивает тебя обо мне?

– Постоянно.

– И что ты говоришь ей?

– Сказал, что ты получил красный диплом после окончания академии.

– А ты сказал, что в Екатеринбурге я попал в психиатрическую клинику на свой двадцать пятый день рождения? Что моя психика в двухтысячном году была разрушена, что мне потребовалось длительное лечение?

– Помнится, говорил, что ты был серьёзно болен, но ведь не сломался, выстоял! Через десять лет защитил кандидатскую по военной медицине, а ещё через четыре года – докторскую. Говорил, что ты остался в армии, занимаешься новейшими разработками в травматологии.

– Что ещё говорил?

– Что у тебя золотые руки, что ты спас жизни сотням людей.

– А что она? Ей интересно было слушать всё это?

– Алик, пойми, она очень увлеклась тобой. Моя младшая и единственная сестра. Выпускница института культуры, человек добрейший. Верующий. Решай сам, как быть. Если тебе любы продажные женщины, больше не приезжай к нам с цветами.

«Вот здесь, на кухне, я впервые увидел её, – мелькнула мысль у Альберта. – Мы сидели за завтраком. Она вошла и...» Любимая озорная мелодия зазвучала в его душе: «На меня ты посмотрела...»

– А что, друг, если мы выйдем сейчас на улицу? Я хочу встретить её.

Валерий знал, что за год знакомства с Батуевым у его сестры появилась новая привычка: после занятий в воскресной школе Настя всякий раз заходила в ближайший гастроном, покупала для Альберта его любимый торт к чаю. Он оставил друга у входа в магазин, а сам отошёл поодаль.

Никогда ещё военный хирург не испытывал такого волнения, как в то судьбоносное для него утро. Вот Настя в элегантной длинной юбке, приталенной кофточке, с шарфом на русых волосах, с перекинутой через плечо сумкой и коробкой с тортом в руках быстро спускается вниз по ступенькам. С неподдельным удивлением и радостью смотрит на него:

– Альберт Георгиевич, как вы нашли меня?

– Я тебя всю жизнь искал.